

АГ
по
К 14

01 (05) / 44

1-й этаж

№ 4—1923 г.

КАЗАНСКИЙ БИБЛИОФИЛ

ЖУРНАЛ

КРИТИКО-БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ.

Издание Государственного Издательства
А. Т. С. С. Р.
Казань.

былого замедленного темпа жизни, а лишь интересная попытка из области исканий соответствующих форм новому содержанию.

С. К.

Келлерман, Бернгардт. „9-е ноября“. Роман. Перевод с немецкого С. В. Крыленко под редакцией В. М. Фриче. Московское отделение государственного издательства 1922. Стр. 390.

В романе Келлермана рисуется жизнь высшего германского общества перед 9-м ноября. Генералы, тайные советники, еще более высокопоставленные лица, золотая молодежь, их дамы веселятся дома, в ресторанах; правда, икра стала слишком дорога, а тонкие ткани совсем исчезли, но можно художникам заказать разрисовать бумагу и задрапироваться в нее—будет еще веселее. Но веселие их, обрамленное ужасом войны нерадостно, в нем истерика, в их забавах—ужас. Порой в жизнь их превосходительства врываются кошмары жизни: полусумасшедший отец молоденького егеря, бессмысленно по приказанию генерала, погибшего у ужасной „Горы 4-х ветров“, несчастный портной, предостерегающий взор иступленных глаз студента Аккермана, уродливый обрубок человека, искалеченного на войне. Его превосходительство досадливо морщится: его превосходительство творит историю—скоро будет подписан мир в Париже, и прелестная графиня поедет туда поразвлечься; нужно приобрести озеро Пейпус, организовать женский легион, мужчины уже все на войне. Его превосходительство не видит красного флага, не слышит студента Аккермана, экстазно взывающего кого-то восстать, идти вперед во имя братства, любви, свободы. И вот ясный день 9 ноября—„и совершенно неожиданно“—„по истине гром среди ясного неба“.

„Новый человеческий род, скрытый, неведомый, неподозреваемый, никогда невидимый, вырос из земли“.

Смеется портной, радуется человеческий обрубок, дух студента Аккермана веет над ликующей толпой.

Автор особым приемом: быстрым и неожиданным перекидом от одной картины к другой, совершенно противоположной по содержанию, держит читателя все время в нервно-напряженном ожидании чего-то, что должно притти и погresti развеселившихся мертвецов старого мира. В книге 390 ст., из них не более 10 ст. отведено 9 ноября. Картины перед революционных нравов верхушек общества для русского читателя имеют уже

только исторический интерес. Вообще роман „9 ноября“ едва ли будет соответствовать потребностям нового русского читателя, просто и деловито, без интеллигентских изломов подходящему к жизни, творящему ее, для которого революция человеческое, слишком, человеческое, а не священный энтузиазм.

С. К.

Мейринк, Густав. Голем. Перевод и предисловие Д. И. Выгодского под ред. А. Л. Волынского. Гос. Изд. Птб. М. МСМХП. Изд. „Всемирная Литература“, стр. 277.

Каждый художник несет в душе своей источник света и им освещает жизнь. Жизнь преобразуется. Преобразенную действительность художник дает нам в своем творении.

Тот свет, которым Мейринк озаряет жизнь, совсем особенный. Он яркий, как молния. Он светит в даль. На миг он озаряет глубокие бездны жизни и души. Дает предчувствие великих поражений. Но лишь на миг. Увидав свет, мы чувствуем: душа бездонна, тьма глубока, тайна недоступна.

Пойдем вслед за художником и постараемся дать тот глубоко оригинальный образ действительности, который представляется его духовному взору. Повседневная жизнь, жизнь фактов—обман, сон. Факты: „назойливое шипенье бутылок от шампанского, лишь дуракам кажущееся самым единственным в пирушке“.

Большинство людей постоянно пребывают в состоянии сна, потому что они недостаточно сильно хотят пробудиться. Сбросить оковы сна и переносить великое „чудо пробуждения“ дано лишь тому, „кто ловит знание каждым атомом своего существа, как вдыхающий воздух“.

Путь к пробуждению, путь к знанию—самоуглубление, то великое и вечное: „познание самого себя“. То, что нежно едва заметно запечатлелось в нашем сердце, а не грубые рубцы, причиняемые внешней жизнью, здесь разгадка последних тайн. „Мы люди не чисты, и часто требуется долгий пост, пока не станет внятен тихий шопот души“.

Что находит человек, который пробудился и умеет слушать тихий шопот своей души? В глубине своего духа он находит ему одному понятные отголоски забытого прошлого. Путь воспоминания приводит его „к далекой родине“, „лежащей по ту сторону всяких дум“, к родине, от которой он был отторгнут своим рождением в мире явлений.

Смутно, неопределенно встает из темных уголков его памяти это забытое прошлое. В

болезненных, кошмарных образах постигает он жизнь своего духа до рождения, и ему чудится бремя великой, сверхземной ответственности, какого то выбора, сделанного его душой где то в царстве первопричин. (Призрак с зеркала).

Постигая великие тайны своего духа, человек постигает тайны всей вселенной. Перриот читал символическую книгу бытия „Уввич“ и когда он читал ее, то ему казалось, что „в поисках чего-то он перелистывал собственные мозги“.

Но все это, постигаемое душой в минуты великих прозрений, не есть знание. Прежде всего тут нет ничего обще-обязательного. Каждый должен искать сам, в себе и для себя. „Лечить всех людей из одной ложки—это привилегия врачей. Вопрошающий получает тот ответ, который ему нужен, иначе люди не шли бы по путям своих стремлений“.

Но и для себя самого человек не находит последнего всеобъясняющего слова.

Ему не дано заглянуть в закрытые решеткой окна своих глубин. Если он попытается это сделать, придет смерть, „на двое оборвется веревка, которой мы привязаны к миру рассудком и органами чувств“. К числу пробудившихся в „Големе“ относятся Анастасиус, Перриот, Гиллель, Лориам, Хорусек, Циподер.

Характеризуя их душевное состояние, и тем самым определяя то, что Мейринк называет „безусловной“ „аподиктической“ реальностью, можно сказать: это есть самоуглубленная жизнь утонченного духа, который постигает в себе единство с бесконечностью, и переступает грани рождения и смерти.

Остальные спят. Но в свете углубленной жизни пробудившихся и их жизнь нам представляется иной. И в их жизни есть что-то преддрешенное, они роковым образом повторяют судьбу предков.

Кто такой „Голем“?

Где то, в таинственном лабиринте улиц жизни есть „пространство, куда никто не может найти входа“, и там „загадочное существо, Голем, который живет там, и только изредка пробирается по улицам, наводя страх и ужас на людей“.

Голем—это символ. Мы должны научиться постигать всю жизнь „как великий символ в одеянии из крови“. Язык символов—язык посвященных.

Голем—это символ вечности, символ последней тайны, которую каждый человек несет в самом себе.

Никто никогда не проник туда, где живет „Голем“—смертный не знает тайны вечности.

Скрыто или явно, но Голем всегда присутствует в жизни—в призрачных явлениях

действительности всегда скрыт глубокий, таинственный смысл, скрыта вечность. Иногда Голем пробирается по улицам—бывают в жизни минуты, когда кажется вот, вот спадет завеса, и из мира конечного откроется дверь в царство бесконечности.

Все жуткое очарование произведения Мейринка заключается в том, что он берет именно этот напряженно мучительный момент, когда Голем покидает свою „таинственную комнату“.

Благодаря редкому и тонкому таланту, умелому пользованию символами, Мейринк сумел сделать то, что хотел. Ярким, как молния, светом он осветил бесконечные дали души. Перед нами на миг мелькнула жизнь, озаренная лучами вечности. Мы поднялись на какие то вершины духа, чтобы снова упасть. Но не дано, как говорит Тютчев: „ничтожной жизни дышать божественным огнем“.

Оригинальное и искреннее произведение Мейринка навсегда займет выдающееся место в мировой литературе, среди символических произведений, пытающихся в художественной форме передать философское содержание.

С. III.

Из Пушкинской литературы 1922 г. (Обзор).

11 февраля (29 января) 1921 года представители 24 научных и литературных объединений Петрограда, собравшись в доме литераторов, выработали особую декларацию о ежегодном всероссийском чествовании Пушкина в день его смерти.

Поминки эти имели место и в 22-ом и в 23 г. и всякий раз они вызвали приток новых речей, статей и исследований, посвященных нашему Гению. Но что особенно приятно отметить—так это то, что изучение Пушкина вышло за пределы обязательного официального чествования и что не только к юбилейному дню, но и в течение всего круга годовых буден идет большая работа пушкинистов и пушкиноведов. Времени нелепых и развязных заявлений о „никчемности“ Пушкина прошли—надо полагать—безвозвратно, и своеобразная их аргументация уже не сопровождает вновь наступившее время внимательного изучения поэта и пересмотра прежних оценок.

1922-ой год обрадовал нас целым рядом работ из области пушкиноведения. Переиздавались прежние и печатались вновь открытые Пушкинские тексты, решались широкие и основные вопросы Пушкинской методологии